

Марина
СЕРОВА

Тайная КОМНАТА антиквара

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЕР

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Тайная комната антиквара

«Научная книга»

2007

Серова М. С.

Тайная комната антиквара / М. С. Серова — «Научная книга», 2007 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

Убили известного в городе антиквара Шульцмана. Его дочь попросила частного детектива Татьяну Иванову расследовать обстоятельства смерти отца. На первый взгляд, причины имеют отношение к бизнесу покойного. Как к явному – торговле предметами старинного искусства, так и тайному, о котором, похоже, не знают даже члены семьи убитого. Причем мотивов столько, что сам черт ногу сломит. Но постепенно, собирая по крупице сведения об обстоятельствах жизни антиквара, Татьяна Иванова приходит к выводу: главную роль в этом деле сыграли вовсе не предметы старины...

© Серова М. С., 2007

© Научная книга, 2007

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Марина Серова

Тайная комната антиквара

Глава 1

Макияж был нанесен, волосы уложены в прическу, платье сидело безукоризненно. Для завершения шедевра оставалось только нырнуть в туфли на высоченных шпильках, и тогда я могла считать себя уже полностью готовой к выходу.

* * *

К действиям по возведению внешнего облика в степень идеала меня подтолкнул случай, произошедший три дня назад. В тот день мне позвонила моя подруга Светка-парикмахерша и сообщила, что на днях исполняется некая круглая дата с момента существования их косметического салона и что по этому случаю заказан зал в ресторане и запланировано мероприятие, которое Светка с апломбом называла корпоративной вечеринкой. Она настаивала, что я, как ее подруга, обязательно должна на этом мероприятии присутствовать.

– Хоть выйдешь в свет, на приличных людей посмотришь. А то скоро совсем одичаешь среди этих своих бандитов и убийц.

– Но с какой стати я пойду туда? Это ваше внутреннее мероприятие... Что там делать посторонним людям?

– Насчет посторонних можешь не волноваться – их там будет раза в три больше, чем своих. Думаешь, для нас, что ли, ресторан заказали? Ага, как бы не так! Нужных людей окучить да разные свои делишки обделать в неформальной обстановке – вот для чего эти мероприятия проводятся. Ну, а нам зачем свое-то упускать? Хоть отдохнем на халяву.

– А меня точно туда пустят?

– Да пустят, пустят. Ты же со мной.

Вот этот телефонный разговор и послужил причиной того, что сегодня я стояла перед зеркалом в прихожей и бросала последние оценивающие взгляды на свою внешность. Взгляды говорили, что мои стремления к идеалу увенчались полным успехом.

На этот раз я не поехала на машине, а решила заказать такси. Кроме того, что на шпильках и в вечернем платье просто неудобно вести машину, были и другие причины, которые склоняли меня в пользу такси. Во-первых, банкет предполагал наличие спиртных напитков, и никто не гарантировал, что по окончании его я буду чувствовать себя достаточно адекватно, чтобы вести автомобиль. Ну и во-вторых, учитывая мои усилия по самосовершенствованию, очень велика была вероятность того, что возвращаться с банкета я буду не одна и уж, конечно, не пешком, а в этом случае своя машина будет только мешать.

Учтя все эти доводы, я окончательно приняла решение в пользу такси. Оно уже ожидало меня у подъезда.

Мы договорились со Светкой, что она встретит меня у входа в ресторан, чтобы не возникло каких-нибудь заминок и препятствий на моем пути. Когда такси остановилось, верная подруга уже ждала меня и, окинув критическим взглядом мою идеальную внешность, мило-стиво признала, что «в целом – ничего».

Мы поднялись в банкетный зал, который был расположен на втором этаже и где постепенно собирались участники корпоративной вечеринки. Среди неплохо, в общем-то, сшитых, но явно из средней ценовой категории «троек» Светкиных коллег то и дело мелькали очень

приличные и дорогие костюмы и даже смокинги. Дамы тоже были одеты дорого, некоторые даже со вкусом.

Однако, несмотря на мои предположения о том, что, возможно, с этого банкета мне не придется возвращаться в одиночестве, пока я не замечала никого, кто мог бы составить мне компанию. Почти все представители сильной половины человечества, присутствующие в зале, имели уже и порядочную лысину, и солидное брюшко, а следовательно, не представляли для меня никакого интереса.

Мы с подругой пристроились недалеко от бара и неторопливо потягивали коктейли. Время от времени Светка обращала мое внимание на некоторых присутствующих, чем-либо, по ее мнению, замечательных.

– А вон того видишь, в блестящем таком костюме? – вполголоса говорила мне Светка, легким кивком головы указывая на здоровенного верзилу, который разговаривал с кем-то, держа в руке бокал с белым вином. – Две заправки, ресторан, гостиничный бизнес... и еще нелегальное что-то, по-моему. Может, девочками занимается... Для гостиницы-то – в самый раз.

– И все-то она знает, и обо всем-то она догадывается...

– А ты как думала? У нас фирма солидная. И клиенты тоже. Мы с маньяками и убийцами дел не имеем... как некоторые. А вон, вон того видишь, седой в смокинге? Этот – по антиквариату. Деньжи-ищ... Сказать куры не клюют – ничего не сказать. Он с нашими даже какие-то общие дела имеет. Может, и в бизнесе участвует. А может, и нет. Одно могу сказать: в салоне бывает редко, в основном стричься ходит, но уж если придет – туши свет. Вся администрация сразу на уши встает.

Я рассматривала господина с довольно густой и абсолютно белой шевелюрой, на которого указала мне Светка. Кроме шевелюры, господин имел очень характерные черты внешности, по которым можно было сделать вполне обоснованные предположения о его национальной принадлежности. Чтобы проверить эти предположения, я спросила у Светки:

– А как его зовут?

– Шульцман. Шульцман Самуил Яковлевич.

– А-а-а... я почему-то так и подумала.

Между тем Самуил Яковлевич посмотрел в сторону входной двери, и на лице его отразилась радость.

– Володя! Ну наконец-то! А я тут один как перст, ни знакомых, никого. Сазонов обещал прийти, да вот что-то нет его, а этих людей я почти не знаю...

Посмотрев, в свою очередь, на человека, к которому обращался Шульцман, я поняла, что наконец-то взору моему предстал объект, достойный внимания. Сочетание темных глаз и светлых волос всегда вызывало у меня интерес, а если добавить к этому еще прекрасную фигуру и безупречный костюм, то сразу становилось понятно – Светкино приглашение я приняла не зря.

Пока вышеназванный Володя о чем-то переговаривался с седым антикваром, я как бы невзначай расположилась так, чтобы оказаться в поле его зрения, что в самом скором времени дало нужный результат...

* * *

Вечеринка шла своим чередом, кто-то беседовал, кто-то поглощал кулинарные редкости, а мы с моим новым кавалером танцевали под приятную ненавязчивую музыку и неторопливо беседовали, выясняя, кто есть кто.

– Я занимаюсь оценкой произведений искусства, – говорил Володя, нежно обнимая меня за талию. – Кстати, вот моя визитка, если вам захочется приобрести какую-нибудь картину,

обратитесь ко мне, и я приложу все усилия, чтобы вы приобрели именно подлинник, а не подделку.

На карточке, разрисованной замысловатыми вензелями, было написано: «Савельев Владимир Иванович, эксперт по оценке предметов антиквариата и произведений искусства». Ну что ж, раз уж дело дошло до визиток...

– Иванова Татьяна Александровна, эксперт по поимке бандитов и убийц.

– Ого! Вы меня пугаете.

– Неужели? А мне всегда казалось, что люди должны бояться самих бандитов, а не тех, кто их ловит.

– Вы ловите бандитов? Никогда не поверю! Такая очаровательная, хрупкая женщина...

– Представьте себе, ловлю, и даже довольно успешно. Так что, если вам захочется провести частное расследование, обратитесь ко мне, и я приложу все усилия, чтобы зло было наказано.

– О! Я уже сгораю от нетерпения. Только что бы такое нам порасследовать... Может быть, поедem ко мне и проверим, не забрались ли в мою квартиру воры?

– Хм... дайте подумать... А как у вас с платежеспособностью? Заказать мне расследование под силу только обеспеченным людям.

– Правда? Даже и не знаю, как тут быть. А бартер возможен? Я бы мог, например, расплатиться натурой...

* * *

Да, вечер был романтический, я находилась в прекрасной форме, и кавалер был вполне соответствующим, но, несмотря на все это, последнее его высказывание как-то неприятно резануло мой слух. Все-таки мы были не в кабаке и я не была сопливой восемнадцатилетней дурочкой, которой подобное замечание показалось бы остроумным.

Однако я не стала заострять внимание на несколько неуклюжей попытке моего нового знакомого перейти от слов к делу и перевела разговор в нейтральное русло. Зачем из-за пустяков портить вечер?

Мы сели за столик.

– А вы здесь по какому случаю? – спросил Володя. – Ведь вечер устраивается в честь косметического салона. Или... вы здесь с кем-то?

– Со своей подругой. Она как раз работает в этом салоне. Кстати, интересно, где она?

Уловив вздох облегчения, который издал мой собеседник, узнав, что я здесь не «с кем-то», я пробежалась глазами по залу, высматривая Светку.

– Ага, вон... вон, видите, с тем приятным мужчиной... Это как раз и есть моя подруга Светлана.

Как оказалось, пока я проводила предварительное ознакомление со своим новым кавалером, моя подруга Светлана, не тратя напрасно драгоценного времени, тоже присмотрела себе кого-то и сейчас очень плотно его обрабатывала. Ну что ж, раз подруга пристроена, ничто не мешает мне заняться своим личным счастьем. Кажется, и Володе пришла та же мысль.

– Как-то здесь слишком шумно, вы не находите? – пылливо глядя мне в глаза, спросил он.

– Да... пожалуй...

– Может быть, действительно поедem ко мне, посидим в спокойной обстановке?

– Ну... не знаю...

– К тому же недавно мне принесли на экспертизу несколько прекрасных работ Ренуара, похоже, подлинники, так что вы сможете насладиться зрелищем произведений искусства, которые недоступны для всеобщего обозрения.

– Почему недоступны?

– Картины из частной коллекции, такие не выставляются в музеях.

– А, ну если так, то конечно...

Как хотите, а Ренуар – это серьезно.

Мы вышли из ресторана, и Володя поймал такси. Но, видимо, в книге моей судьбы на сегодняшний вечер не было записи о любовном свидании. Не знаю, то ли с коктейлями я переборщила, то ли еще почему, но действия Володи на заднем сиденье «Волги», которые он производил в отношении меня, не переставая нашептывать мне в ухо остроумные замечания об оплате натурой, вдруг показались мне не просто слишком смелыми для первого знакомства, а даже наглыми и хамскими.

В самый разгар нашептываний я, что называется, «психанула» и велела таксисту остановиться.

– Как? Куда? – беспомощно вопрошал Володя, когда я, вырвавшись из его объятий, тормозила машину, идущую в противоположном направлении.

Но я не удостоила его ответом. Если он не знает, что произведения искусства требуют уважительного к себе отношения, хреновый из него эксперт. Вот так-то!

Я приехала домой в самом отвратительном настроении, какое только может быть, и сразу завалилась спать. Эксперт он, видите ли. К чертям собачьим!

* * *

На следующее утро я встала поздно и сразу предалась унынию, вспомнив о том, как закончился вчерашний вечер. Мне уже было жаль, что я так бесповоротно отправила подальше незадачливого эксперта, жаль было потраченного времени, жаль было себя, бедную, несчастную, всеми покинутую.

Чтобы совсем не раскваситься, я приняла бодрящий контрастный душ и стала готовить кофе, который всегда оказывал позитивное влияние на мой психологический настрой. В конце концов, жизнь на этом не заканчивается. Мало ли было у меня неприятных вечеров, и мало ли их еще будет! Сосредоточиваться нужно не на негативе, а на позитиве...

Так, мысленно забалтывая себя, я пыталась прийти в форму, когда раздался телефонный звонок.

– Алло, это Татьяна?

– Да, слушаю вас.

– Это Владимир вас беспокоит.

Сначала я даже не поняла:

– Какой Владимир?

– Ну как же... Вчера... Вчера мы встречались с вами... на вечеринке.

В голосе Владимира не было уверенности, и это мне понравилось. Но пусть не думает, что ему удастся легко отделаться.

– Ах, на вечеринке... Да, действительно, что-то такое припоминаю. Но, судя по тому, как вы вели себя, мне показалось, что вы составили обо мне не совсем верное представление. И потом, кажется, я не давала вам номер своего телефона и не просила вас звонить мне.

– Таня, ну не сердитесь, пожалуйста, ну перебрал я немного, вел себя... как дурак. С кем не бывает? А у меня к вам очень серьезное дело. Требуется ваша помощь, и если вы...

– Вы так и не ответили, откуда у вас номер моего телефона?

– Ах, это... Это подруга ваша, Светлана, она мне помогла. Помните, вы еще показывали мне ее вчера? Я знал, что она работает в салоне, ну вот и...

Значит, Светка. Предательница бессовестная, даже у меня не спросила! Хотя... Ладно уж, так и быть, не буду в этот раз на нее сердиться.

– Вы говорите, у вас ко мне дело?

– Да, очень срочное и очень серьезное. Мы не могли бы встретиться и поговорить? Например, где-нибудь в центре, в кафе? Через час вам будет удобно?

– Ну... даже не знаю...

– Пожалуйста, Таня, это очень важно.

– Ну хорошо, через час в «Бриз».

– Вот и прекрасно, жду вас.

Конечно, я и минуты не сомневалась в том, что очень серьезное «дело», о котором Володя говорил по телефону, – это только предлог, чтобы встретиться со мной. Но мне все равно стало приятно. Ведь не поленился, и в салон сходил, и Светку нашел... Значит, есть еще пороховницы, Татьяна Александровна.

«Дело» у него... – непроизвольно улыбаясь, думала я, – и соврать-то толком не умеет».

* * *

На этот раз я не стала предаваться легкомысленным надеждам на то, что буду возвращаться не одна, и в центр поехала на машине.

На дворе стоял довольно душный август, и было очень кстати, что летнее отделение кафе «Бриз» располагалось под тентами на улице. За одним из столиков сидел мой вчерашний незадачливый кавалер.

Он не видел, как я подходила, и я могла заметить на его лице весьма озабоченное и даже хмурое выражение.

– А, здравствуйте, рад вас видеть, – Володя поднялся с места, приветствуя меня, и на секунду его угрюмость сменилась радостной улыбкой, но почти в то же мгновение лицо снова стало хмурым.

Хм, интересное кино... Похоже, у господина эксперта и вправду ко мне какое-то дело.

– Что вам заказать?

– Что-нибудь прохладительное.

– Да... хорошо... Видите ли, Татьяна... я даже не знаю, с чего начать...

– Начните с главного. Видимо, с вами что-то произошло? Что-то неприятное?

– Да... да, произошло, но не со мной. Помните, вчера на вечеринке я беседовал с таким солидным седым мужчиной? Это антиквар, Шульцман Самуил Яковлевич, мы с ним часто встречаемся... встречались... по работе. Понимаете, предметы старины, разные там антикварные вещицы, ему часто требовалась оценка или экспертиза, и он обращался ко мне. Картинами он тоже занимался...

– С ним что-то случилось?

– О!.. О, да. Случилось. Видите ли, вчера, когда он возвращался с вечеринки, его... его убили.

* * *

Ах, вот оно в чем дело! Да, происшествие и вправду неприятное. Просто хуже не придумаешь. Мой собеседник на время замолчал, видимо пытаясь переварить событие, которое никак не укладывалось в его голове, а я тем временем потягивала холодный лимонад и размышляла.

Происшествие неприятное, что и говорить, но каким боком причастен к нему господин эксперт? Если я правильно поняла, отношения их с антикваром были сугубо деловые, а если так, то с чего бы он вдруг так озабочился этим убийством? Ведь есть же у этого антиквара родные, близкие, есть милиция, в конце концов. Это их дело – заниматься поисками убийцы. А если они захотят заказать частное расследование, например, мне, то опять же, это скорее дело

родственников, а не постороннего человека, даже если этот человек и сталкивался с антикваром по работе.

– Простите, Татьяна, я что-то задумался...

– Видимо, это событие произвело на вас сильное впечатление?

– Да, это просто немыслимо... Вчера говорил с человеком, шутили, строили планы, а сегодня... Впрочем, постараюсь не отвлекаться на частности, а говорить только о деле. Видите ли, я немного знаком с семьей Самуила Яковлевича, и когда... это произошло, его старшая дочь Вера позвонила мне и попросила помочь. Понимаете, разные там организационные вопросы...

– Да, да, я понимаю.

– Ну вот... Поскольку в том, что это убийство, нет никаких сомнений, милиция возбудила уголовное дело, но... Видите ли, узнав, о ком идет речь, следователи сразу сосредоточились на том, что мотив убийства как-то связан с финансами, ведь Самуил Яковлевич – человек достаточно состоятельный...

– А что, имеются какие-то данные, которые говорят против этого мотива?

– Ну... как вам сказать... данные... не знаю... Не знаю, есть ли какие-то данные, но Вера абсолютно уверена, что финансы здесь ни при чем. Я говорил с ней, и она была очень обеспокоена тем, что, занимаясь разработкой этой версии, следствие зайдет в тупик, а между тем время будет потеряно и убийцы могут скрыться или так запутать следы, что потом никаких концов не найдешь. И тогда я... извините, что не проконсультировался с вами, но я взял на себя смелость сказать ей, что у меня есть знакомый очень хороший частный сыщик и что она может заказать частное расследование параллельно с официальным.

Ага, вон как мы заговорили! «Извините», «взял на себя смелость»... Ах, ах, ах! Вот то-то же! А то будет он еще мне про оплату натурой разглагольствовать.

– А почему вы так уверены, что я «очень хороший» частный сыщик? Может быть, я, совсем наоборот, самый плохой?

– Ну что вы, Татьяна, этого просто быть не может, даже невооруженным глазом видно, что...

Ну-у, пошел заливать! Ладно уж, так и быть, прощу на этот раз. Что-то подсказывало мне, что господин эксперт принял так близко к сердцу судьбу престарелого антиквара только потому, что из этого можно было состряпать предлог для продолжения знакомства со мной.

– Хорошо, оставим это. Эта ваша... Вера, она действительно намерена заказать мне расследование?

– Ну, в общем-то, она не моя, у нее есть муж и двое детей, а что касается расследования, я сказал, что переговорю с вами, и, если вы согласитесь, нужно будет встретиться с ней... обговорить детали.

Поспешность, с которой господин эксперт сообщил мне про мужа и детей, ясно говорила о том, что он все еще не теряет надежды познакомиться со мной поближе, но мне хотелось немного подразнить его, и я пока не собиралась выходить за рамки делового общения.

– Что ж, в настоящее время я не веду никакого расследования, поэтому вполне возможно, что такая встреча имеет смысл.

– Прекрасно! – оживился Володя. – Тогда я сейчас позвоню ей, и мы согласуем время встречи, хорошо?

– Да, конечно.

Он принялся звонить по сотовому, а я занялась своим лимонадом.

– ...Да... да, очень хорошо. Тогда через полчаса? Хорошо, до встречи.

Володя отключил сотовый и снова обратился ко мне:

– Вера сейчас дома. Вы не возражаете, если мы сейчас заедем к ней?

– Нет, не возражаю.

– Тогда можем отправляться. У меня здесь, кстати, и машина недалеко...

– Ничего, я на своей.

Бедный Володя, так неожиданно обескураженный, смотрел на меня с выражением ребенка, который уже протянул руку, чтобы взять конфету, а эта конфета вдруг испарилась в воздухе. Несмотря на совсем невеселый повод, по которому мы сегодня встретились с ним, я чуть было не расхохоталась. Но марку нужно было держать.

– Какой адрес? – спросила я у пораженного в самое сердце Володи.

– А? Что? Адрес? Ах, да... Нестерова, 6.

– Ну что ж, тогда поехали.

– Поехали, – с грустью согласился Володя, запланировавший, по всей видимости, нечто совсем другое.

* * *

Улица Нестерова была расположена в одном из тихих и, на мой взгляд, очень удобных для жизни районов нашего города. Не самый центр, но довольно близко к нему, так что жители, получая все преимущества, были лишены вечной суматохи и шума, которые обычно царят в центральных районах.

Заехав во двор дома номер 6, я увидела, что там уже припарковался симпатичный светло-серый «Фольксваген», из которого выходил мой новый знакомый.

– Какой подъезд? – спросила я, тоже выйдя из машины.

– Да вот, как раз напротив, вот сюда, прошу вас. Третий этаж, квартира 54.

Мы поднялись в квартиру 54, где нас, видимо, уже ждали, поскольку дверь тотчас же открылась, едва только Володя нажал кнопку звонка.

Глава 2

В дверях стояла небольшого роста хрупкая женщина с прекрасными, густыми и кудрявыми, черными как смоль волосами. Лицо ее тоже было довольно приятным, но переживания последних часов оставили на нем заметный след.

– А, Владимир, это вы... Проходите, пожалуйста.

– Вот, Вера, позвольте представить вам – Татьяна Александровна, частный детектив. Вы можете полностью положиться на ее профессионализм.

– Просто Татьяна, – сказала я, искоса взглянув на Володю, который, в общем-то, был абсолютно не в курсе уровня моего профессионализма. Ясное дело – подлизывается.

Между тем Вера провела нас в какую-то комнату, являвшуюся, по всей видимости, гостиной. Квартира у дочери антиквара была неплохая и обставлена прилично, но вещей было слишком много, и от этого создавалось ощущение тесноты.

– Дети в школе, – озабоченно говорила Вера, рассаживая нас по диванчикам и креслицам и напрочь позабыв предложить чаю или кофе, – а наши все у мамы. Я ненадолго ушла, когда вы позвонили, Володя. Ах, какое несчастье!

– Вера, расскажите все Татьяне – как все случилось, что вас беспокоит, – а она уже тогда сможет дать вам какой-нибудь совет.

– Правда? – Вера недоверчиво посмотрела на меня.

– Я постараюсь, – скромно ответила я.

– Володя сказал, частный сыщик... Я думала, будет мужчина...

– У Тани очень большой опыт, – снова встрял в разговор неутомимый льстец, – так что, можете не сомневаться, Вера, она любому мужчине сто очков вперед даст.

При этом на меня исподволь был брошен взгляд, явственно говоривший: «Ну, видишь, как я стараюсь! Неужели я еще не заработал прощение?»

Но сейчас мне было не до него. Если эта женщина действительно хочет заказать мне расследование, нужно как можно подробнее ознакомиться с обстоятельствами дела.

– Пожалуйста, расскажите все по порядку, – обратилась я к Вере. – Как вы узнали о произошедшем?

– Знаете, мне позвонила мама. Поздно, среди ночи; боже мой, как я перепугалась! И она говорит: убили отца. Как убили, кто убил – ничего не понятно. И говорит мне: приезжай. Что делать, пришлось будить Мишеньку. Разбудила его, говорю: так и так, звонила мама, сказала: приезжай. А ему завтра рано на работу. Ну, что делать, оделись, поехали. Приехали, а там милиция, соседи, весь подъезд забили, негде яблоку упасть. И папа на ступеньках лежит. Простыней его накрыли. Оказывается, кто-то из соседей поздно возвращался домой, зашел в подъезд и увидел, что он лежит. Сначала не понял, стал его тормошить, а потом увидел шрам на шее и... и понял.

– На шее был шрам?

– Да, от удавки. Его задушили. Милиция говорит: наверное, подкрались сзади и накинули веревку, он даже ничего не смог понять.

– Ваш отец возвращался с вечеринки один?

– Да, потом я спрашивала у мамы. Она сказала, что шофер, как обычно, довез его до подъезда, папа вышел из машины и зашел в подъезд. А шофер поехал домой. Наверное, кто-то караулил в подъезде.

– Этот шофер – личный водитель вашего отца?

– Да, Гена, он давно у нас работает.

– То, что он высадил вашего отца и уехал... в этом не было ничего необычного?

– Нет, ничего необычного. Он всегда так делал. Довозил его до дома и уезжал.

– То есть проверять, нет ли кого подозрительного в подъезде, в обязанности шофера не входило?

– Нет, он не проверял. Вообще Гена... он здоровый, поэтому папа иногда брал его с собой, как бы для надежности. Если, например, какой-нибудь ценный экспонат нужно было куда-то перевезти или деньги крупные. Но в тот вечер у него с собой даже бумажника не было. А место у них тихое... Там, где родители живут, никогда никаких разбоев и грабежей не бывало. А уж в подъезде-то и подавно, казалось, нечего было опасаться, живут там все давно, все друг друга знают... Кто мог это сделать, я просто ума не приложу!

На какое-то время Вера потеряла чувство реальности и молча сидела, уставившись невидящими глазами в стенку.

– А что думает милиция? – осторожно спросила я.

Вера тут же вышла из своего забытья и продолжала гораздо эмоциональнее, чем до этого:

– Ах! Милиция! Да что они могут думать! Разве им удобно думать?! Вовсе нет! Им как раз гораздо удобнее не думать! Взять первое, что попало под руку, что само бросается в глаза, – это их дело! А думают пусть другие. Обрадовались, что папа – состоятельный человек! Финансовый мотив, финансовый мотив... Заладили, как попугаи, даже слушать ничего не стали. Да и мама еще... туда же. Правильно, если она всю жизнь была помешана на том, что ее хотят ограбить... Конечно, она принялась им поддакивать. А они и рады! Так, говорят, и запишем. Ну и записали.

– А вы не согласны с тем, что мотив убийства имеет какое-то отношение к деньгам вашего отца?

Тут Вера, кажется, даже подпрыгнула на диване.

– Да как... да что... да какое отношение он может иметь к деньгам, когда все эти деньги давно уже расписаны и по полочкам разложены?! Вы поймите, мой отец занимался антиквариатом, у него магазин, все его средства были вложены в предметы искусства. Та небольшая сумма, которая имелась у него в денежных знаках, если вдруг понадобилось бы что-то срочно приобрести, – и она тоже хранилась не под подушкой, а в банке. Каким образом, скажите на милость, можно было получить эти деньги, убив их владельца? Это ведь даже малому ребенку понятно! Шантаж, угрозы, похищение близких – вот какие методы используются в таких случаях, чтобы получить деньги, но никак не убийство. Я вам больше скажу: если речь идет о посторонних людях, не родственниках и не наследниках, то не было более надежного способа отрезать себе все пути к деньгам моего отца, чем его физическое устранение. Все юридические вопросы, касающиеся распределения капитала после смерти, а отчасти и при жизни, уже давно и очень четко урегулированы, все документы оформлены и заверены у нотариуса, так что оспаривать их – дело, заведомо обреченное на провал.

– А вы не могли бы более подробно, насколько это возможно, конечно, рассказать мне, как именно должен был распределиться капитал после смерти вашего отца, а также, как вы отметили, отчасти и при его жизни?

– Отчего же, могу рассказать. Все имущество после смерти отходило ближайшим родственникам – маме и нам. У меня еще две сестренки и два братика...

Пятеро детей? Однако... какой плодовитый антиквар!

– Недвижимость, квартиры и магазин и при жизни папы были оформлены не на него.

– А на кого?

– Магазин – на маму, эта квартира оформлена на меня, еще одна квартира – на братика Леву. Ну, еще мелочи, гараж, огород...

– Вот вы сейчас сказали, что не было ни малейшей возможности получить деньги вашего отца после его смерти. То есть если этот человек не являлся его родственником. А получить от него что-то при жизни можно было?

– Ну... как вам сказать? У папы были счета в банках, оформлены на него, и потом все, что было в магазине, тоже приобреталось от его имени, а это очень серьезные ценности. Старинная мебель, иногда даже из Европы, предметы, принадлежавшие известным людям... Кроме того, он приобретал иногда и картины, а они сейчас в большой цене. Особенно полотна некоторых мастеров... Нет, если бы кто-то задался такой целью – выкачать из отца деньги, то в его распоряжении могли бы оказаться достаточно серьезные суммы... Но повторяю, для этого, скорее всего, использовались бы совсем другие методы, нежели убийство.

– А как должны были распределиться после смерти все эти счета и антикварные ценности?

– Все это отходило, опять же, нам и маме, в равных долях. Там должна была производиться какая-то оценка... То есть она, видимо, сейчас и будет делаться... Надеюсь, Володя нам поможет, – Вера вопросительно посмотрела на эксперта.

– Да, да, конечно, Вера, я обязательно помогу, – с готовностью откликнулся тот.

– Ну вот. А после оценки вся стоимость делится на шесть равных частей и в соответствии с этим распределяется имущество.

– Наверное, это будет достаточно крупная сумма?

– Да, довольно большая.

– Извините, что задаю этот вопрос, но при расследовании необходимо учитывать все варианты... Вы не предполагаете, что к этому мог быть причастен кто-то... из ваших близких? Если сумма действительно большая, то...

– Это полностью исключено.

Вера даже не возмутилась, услышав мой вопрос (впрочем, возможно, ее об этом уже спрашивала милиция), она ответила просто и спокойно, но настолько категорично, что я сразу поняла – для себя она даже не допускает подобной мысли.

– Кроме того, что не может существовать даже предположений о том, что кто-то из нас мог... сделать такое с папой, не забывайте, что две мои младшие сестренки и братик – несовершеннолетние, а брат Лева – человек обеспеченный, и, кроме того, как я уже сказала, на него оформлена квартира. Впрочем, я говорю это только для вас, мне и без этого совершенно ясно, что никто из нашей семьи не причастен к этому, и я попрошу вас, если вам придется разговаривать с кем-то из моих близких, не задавать такой вопрос. Вы только напрасно расстроите их. Папа никогда не отказывал нам ни в чем, и думать, что кто-то из нас мог... Это исключено, – еще раз повторила она.

– Хорошо, поговорим о другом. Вы утверждаете, что после смерти вашего отца никто, кроме официальных наследников, не мог претендовать на его деньги?

– Да. Абсолютно никто.

– Но, насколько я поняла, ваша мама придерживается другой точки зрения?

– Ах! Мама... Видите ли, у мамы всегда было столько забот... Ухаживать за папой, вырастить нас, пятерых... Это ведь не так просто, согласитесь.

– Полностью согласна с вами.

– Ну вот. За всеми этими делами и хлопотами у нее совсем не было времени на что-то другое... на образование и прочее. Поэтому такими вещами всегда занимался папа, а она никогда ни во что не входила. Она не очень разбирается в юридических тонкостях, а поскольку всегда волнуется и переживает за нас, ей и кажется все время, что кто-то хочет нанести нам какой-то вред. Поэтому она и думает, что папу... убили, чтобы ограбить. Но, как я уже объяснила вам, сейчас никто, кроме нас, не сможет получить его деньги.

– Что ж, понятно. Но если исключить финансовый мотив, то что нам остается? Вы имеете какие-либо предположения о том, какая еще причина, кроме финансовой, могла толкнуть кого-то на такое преступление?

– Ах... вот в том-то и дело, что... я просто ума не приложу. Случайные грабители? Но его даже не обыскивали. Милиционеры показывали нам изъятые вещи – все было на месте, и телефон, и мелочь в карманах...

– То есть у вашего отца все-таки были с собой какие-то деньги?

– Ну да, немного он взял с собой, нельзя же совсем без денег идти, мало ли что...

– И все было на месте? – спрашивала я, прикидывая, сколько же у почтенного антиквара могло быть с собой денег.

– Да, все было на месте, все его вещи, и мы подписали бумагу.

– Какую бумагу?

– Ну, в милиции... Они сказали, что нужно подписать бумагу, что все на месте. И мы подписали, потому что все и было на месте. Вот.

– Таким образом, никаких предположений о том, каков мог быть мотив этого преступления, у вас нет?

– Нет, совершенно.

– А финансовый мотив вы полностью отвергаете?

– Да, полностью.

Я все пыталась подвести хрупкую Веру к тому, чтобы она как-то более определенно высказалась относительно того, собирается ли она заказать мне дополнительное расследование. Ведь до сих пор об этом не было сказано ни слова. Но Вера на нужную мысль «не наводилась», и мне пришлось действовать напрямик.

– Ну что ж, в таком случае вполне возможно, что вам действительно следует заказать дополнительное расследование частному детективу...

– Да, вот и Володя, он тоже... очень рекомендовал вас, – как-то нерешительно сказала Вера.

Мне показалось, что эта нерешительность была вызвана тем, что Вера начала догадываться: услуги частного сыщика стоят денег, и прикидывала в уме, какую часть папиного наследства она готова пожертвовать на расследование причин его убийства. Зная, что неопределенность в таких вопросах всегда выходит боком, я поспешила расставить точки над «i»:

– Если вы хотите заказать расследование мне, то должна предупредить вас, что мои услуги стоят недешево: двести долларов за день расследования, плюс сопутствующие расходы, если таковые возникают...

Поднятые в изумлении брови, удивленно раскрытые глаза и вообще выражение лица Веры в целом со всей красноречивостью вопияли только об одном – названная мною сумма немыслима. Однако, памятуя о том, что имею дело с нацией прирожденных финансистов, я чего-то подобного и ожидала. Я даже не удивилась бы, если бы она попросила сделать для нее скидку.

Но, к счастью, ни о чем таком Вера просить не стала. Вместо этого она с выражением детской беспомощности переводила взгляд с меня на Володю и обратно и бормотала:

– Ах... как это дорого... кто бы мог подумать... просто невероятно...

Было совершенно очевидно, что даже смерть папы не сможет отлучить Веру от режима экономии, заложенного у нее в генах. Однако и я не собиралась отступать.

– Разумеется, если это для вас дорого, вы можете обратиться к кому-то еще... – тут же предложила я женщине.

Но тут в дело вступил Володя:

– Вера, вы должны понимать, что ваши деньги не будут потрачены зря. Татьяна – опытный специалист, у нее очень высокий процент раскрываемости, а ваше дело такое запутанное, что первый встречный не сможет разобраться в нем. Вы же сами видели, в милиции совершенно уверены, что мотив преступления связан с финансами, а ведь там тоже не сапожники сидят, а

грамотные и опытные люди. Кто же даст вам гарантию, что частный сыщик не пойдет по тому же пути? Особенно если у него нет достаточного опыта и практики? А Татьяна...

Володя разливался соловьем. Было очевидно, что он не пожалеет сил, чтобы загладить свою вчерашнюю бестактность и уговорить Веру заказать это расследование именно мне. Смешнее всего было то, что все его похвалы, которые он в глубине души, наверное, и сам считал преувеличением, на самом деле полностью соответствовали действительности. Другое дело, что обычно новым клиентам меня рекомендуют люди, уже знакомые с моей работой, и, давая этой работе высокую оценку, они не считают, что делают мне одолжение.

– Ну... ну, не знаю... – начала наконец немного поддаваться Вера. – Вы говорите, двести долларов в день?

– Да, и сопутствующие расходы, – настаивала на своем я.

– А что это за расходы?

– Заранее нельзя сказать, в каждом деле они разные.

– Ну, а все-таки, к примеру?

Вот привязалась!

– Ну, например, в вашем деле, если понадобится проводить экспертизу какого-то произведения искусства или антикварной вещи, оплатить эту экспертизу должны будете вы.

– А-а, такие расходы.

– Да, такие.

– Ой... даже не знаю. Володя, что вы скажете?

– Мое мнение, что Татьяна – именно тот человек, который сможет вам помочь.

– Правда? Ой... даже не знаю... Ну, а эти расходы, они как-то фиксируются? Существуют какие-то официальные процедуры?

– Разумеется, мы с вами заключаем договор, где оговариваются все условия.

– А-а... ну что ж... раз Володя так считает...

* * *

Минут через сорок, после всевозможных вопросов, придинок и уточнений, мы наконец-то заключили договор с моей новой клиенткой, и я решила расспросить ее еще кое о чем, чтобы определиться – откуда же мне начинать свое расследование.

– Кто входил в постоянный круг общения вашего отца?

– Ну, вообще-то, он встречался с очень разными людьми... Понимаете, старинные вещи, их иногда можно обнаружить в самых неожиданных местах. Какой-нибудь старичок, который от пенсии до пенсии перебивается, а посмотришь – у него ходики тикают восемнадцатого века или иконка какая-нибудь... ценная. Ну вот. Поэтому с кем только не приходилось папе... общаться. Но близко он сходилась с немногими. Вот агент его, который занимался поисками всех этих старичков, он, пожалуй, один из самых близких. Он и домой к нам часто приходил...

– Как его зовут?

– Семен Валентинович. Семен Валентинович Гиль. Папа с ним знаком очень давно.

– А кроме него, был еще кто-то, близкий вашей семье?

– Да, еще Шишкин Николай Петрович. Это уж у нас просто как друг семьи. Он раньше работал хранителем в городском музее, теперь на пенсии. Папа с ним и по работе иногда встречался, но и без этого... Они тоже были очень давно знакомы и дружили.

– Из близких больше никого?

– Пожалуй, никого... Хотя еще бухгалтер из магазина, Юлия Степановна, она тоже довольно близко с папой общалась. Но это уж, сами понимаете, – бухгалтер, который знает, так сказать, всю подноготную и не может быть посторонним человеком. Папа ее тоже взял по

очень хорошим рекомендациям, долго присматривался и, только когда окончательно убедился в ее надежности, стал ей полностью доверять.

Да, представляю себе. Если уж Вера почти целый час «присматривалась» ко мне, прежде чем заключить не такой уж значительный в финансовом отношении договор, можно только догадываться, как присматривался к своему бухгалтеру ее папа, прежде чем доверить этой Юлии Степановне «всю подноготную».

– Мне необходимо будет встретиться и переговорить с этими людьми.

– Думаете, это сделал кто-то из них?

– Пока я не располагаю конкретными фактами и не могу делать каких-либо предположений, но, поскольку именно эти люди, как вы сказали, наиболее тесно общались с вашим отцом, беседа с ними будет в любом случае полезна. Вы не подскажете, где их можно найти?

– Юлия Степановна сейчас постоянно в магазине, ведь дело нужно продолжать, кому интересны наши семейные проблемы... Вот. У Семена Валентиновича своя контора, его, скорее всего, можно обнаружить там, а дядю Колю... то есть Николая Петровича... я даже не знаю, где его можно встретить. В общем-то, я, конечно, могла бы дать вам его адрес, но мне не хочется, чтобы кто-то приходил к нему домой с подобными... делами. Может быть, вам лучше будет встретиться на похоронах? Он, конечно же, там будет. Тогда и поговорите.

– Хорошо, это меня вполне устроит. Еще, Вера, я хотела попросить вас кое о чем.

Вера снова испуганно посмотрела на меня, кажется, подумав, что я попрошу еще денег на какие-нибудь расходы. Но, на ее счастье, дело было в другом.

– Заказанное вами расследование может потребовать достаточно закрытой, очень личной и, так сказать, интимной информации. Постороннему человеку не каждый захочет такую информацию предоставить. Кроме того, мне известно, что и сама эта сфера деятельности – антиквариат, предметы искусства – достаточно закрытая. Поэтому, прежде чем встречаться со всеми названными вами людьми, я бы хотела, чтобы вы сами представили меня им и постарались убедить их в том, что если они хорошо относились к вашему отцу, то должны быть откровенными со мной.

– Да, конечно, я постараюсь, – с готовностью ответила Вера, узнав, что речь идет не о деньгах.

– Ну, вот и прекрасно. Теперь вам осталось только сообщить мне, где расположен ваш магазин, а также адрес конторы господина Гиля и адрес Николая Петровича. Обещаю, что не пойду к нему, если к тому не возникнет настоятельной необходимости, но адрес мне нужно знать.

Вера предоставила мне все требуемые сведения, и я внесла необходимые записи в свой блокнот.

– Что ж, осталось только получить аванс, и я не буду больше отнимать ваше время.

Хотя аванс был оговорен при составлении договора, на лице Веры все равно появилось какое-то напряженное выражение. Однако, видимо смирившись с неизбежностью, она отправилась куда-то в глубины квартиры и, повозившись там минут десять, выдала мне аванс.

– Всего хорошего, – попрощалась я с экономной Верой в коридоре. – Как только появятся какие-либо новости, я вам обязательно позвоню.

Выйдя из подъезда в сопровождении господина эксперта, который покинул гостеприимную хозяйку вместе со мной, я направилась к своей машине. Но тут за моей спиной раздался нерешительный, срывающийся от волнения голос:

– Татьяна, я могу пригласить вас в ресторан? Беседа затянулась, и вы, наверное, проголодались...

Мне стало жаль бедного мальчика, и на этот раз я не стала напоминать ему о его проступке.

– Не столько проголодалась, сколько измучилась от жажды, – доброжелательно ответила я. – Нам ведь ничего не предложили – ни чая, ни кофе, ни даже воды.

– О! Это просто переживания целиком заняли бедную Веру. Пожалуйста, не сердитесь на нее.

Вспомнив, как «бедная Вера» торговалась из-за каждой мелочи, подписывая договор, я подумала, что переживания заняли ее все-таки еще не полностью. Но, впрочем, это ее проблемы, а я еду в ресторан.

Я оставила свою машину на первой же парковке, которая попалась по дороге, и продолжила путь в машине Володи.

В ресторане мы наконец-то перешли на «ты», с моего милостивого разрешения, и день закончился, в общем, неплохо.

* * *

На следующее утро я была растревожена в самой середине приятных сновидений. Кто-то довольно бесцеремонно грохотал чашками и ложками в моей кухне.

«Какого дьявола?!» – еще не совсем проснувшись, возмущенно думала я, одновременно с этим изумляясь, до чего наглые пошли воры. Я уже протянула руку к тумбочке, где на всякий случай у меня был припасен газовый баллончик, но тут, наконец, полностью проснулась и вспомнила, что сегодня ночевала не одна, а в компании эксперта по оценке произведений искусства.

Оставив мысли о самообороне, я посмотрела на часы. Стрелки показывали восемь утра. Однако! Вот уж не думала, что люди, связанные с искусством, умеют рано вставать.

Между тем грохот посуды на кухне прекратился, и в коридоре послышались шаги.

– Танюша? Уже проснулась? А я кофе приготовил.

– Ты с ума, что ли, сошел? Проснулась... Да ты на часы посмотри, я уснула только полчаса назад.

– Ладно, не ворчи, лежебока. Не хочешь вставать – досыпай, а мне на работу надо.

Это я лежебока?! Нормально!

– Ты что, на свою работу к пяти утра, что ли, ходишь?

– Нет, не к пяти. Но в десять мне нужно быть в конторе, придет клиент, а до этого – заехать домой, забрать картины, которые он отдавал на экспертизу. А ведь уже девятый час. Сейчас позавтракаю и поеду, как раз только и успею улечься. У тебя-то на сегодня какие планы?

– Спа-а-а-ать!

Володя засмеялся и, чмокнув меня в щечку, отправился восвояси.

– Ну, ладно, не буду тебе мешать, спи. Как освобожусь, позвоню.

Он вышел из спальни, предупредительно прикрыв дверь, но это абсолютно ни к чему не привело, потому что грохот посуды, через минуту снова раздавшийся в кухне, разбудил бы даже мертвого.

Услышав через некоторое время, как хлопнула входная дверь, я поняла, что пытаться вновь уснуть бесполезно, и решила встать. Но едва лишь я села на кровати, как мне тут же захотелось снова лечь. Свою норму я явно не доспала, пришлось признать, что романтические свидания имеют свои недостатки.

Требовалось срочно привести организм в рабочее состояние. Немного подумав, я решила, что алгоритм моих действий по достижению этой цели должен быть следующий: контрастный душ – физическая нагрузка – контрастный душ. Наметив программу, я немедленно приступила к ее выполнению.

Минут через сорок, бодрая и освеженная, я уже направлялась в кухню с намерением попробовать кофе, который приготовил мой эксперт по искусствам. Но, сделав первый глоток, поняла со всей очевидностью: готовить кофе Володя не умел.

Я принялась за дело сама, и вскоре по кухне стал разноситься прекрасный аромат моего любимого напитка.

Сидя за столом и смакуя душистый кофе, я вдруг вспомнила утренний вопрос Володи о моих планах. А ведь и в самом деле, не мешало бы составить хотя бы черновой план нового расследования, ведь аванс уже получен, следовательно, пора начинать действовать.

Я закурила сигарету и попыталась наметить основные направления действий. Таких направлений вырисовывалось сразу несколько. Необходимо было осмотреть труп – это раз, и место преступления – это два.

Кроме того, несмотря на все заверения Веры, что финансы здесь ни при чем, я прекрасно понимала, что в случае, когда речь идет о человеке с таким состоянием, какое имел убитый антиквар, денежный мотив весьма и весьма вероятен и версия официальных органов имеет право на существование. Следовательно, нужно будет связаться с кем-нибудь из старых знакомых и прозондировать, какие шаги предпринимает доблестная милиция в связи с этим делом.

Да, еще. Что-то там было такое в рассказе Веры, я еще вчера отметила это для себя, как требующее проверки, но за всеми этими романтическими свиданиями как-то подзабыла.

Я последовательно припомнила нашу вчерашнюю беседу и очень скоро дошла до того пункта, который вызвал мои сомнения. Точнее, это были даже два пункта. Первым номером шел шофер Шульцмана, а вторым – его сосед, обнаруживший труп. Если я правильно поняла, ни в тот момент, когда шофер подвозил Шульцмана к дому, ни когда сосед обнаружил труп, поблизости не было свидетелей, которые могли бы это подтвердить. А это означает, что и шофера, и соседа необходимо обязательно проверить.

Да и вообще... Не мешало бы разузнать стороной, какую репутацию имели Шульцманы и как к ним относились соседи. Помнится, Вера говорила, что в доме, где живут ее родители, все – давние знакомые, но, в общем-то, по большому счету, это ничего не значит. Старая дружба так же может иметь место, как и застарелая вражда. А если исходить из того, как было совершено убийство, то для соседей этот вариант просто идеален. Потихонечку вышел, придушил антиквара, да и айда себе на боковую, благо время позднее.

Что ж, решено – соседей тоже не следует сбрасывать со счетов.

Что там еще у нас осталось? Ближний круг? Я просмотрела последние записи в своем блокноте. Тэ-э-экс... Агент, приводящий клиентов, друг семьи и бухгалтер. Угу... Что ж, начнем, пожалуй, с агента. Кроме того, что он, как агент, наверняка был в курсе всех дел Шульцмана, он имеет свою контору, следовательно, из всех троих его будет проще всего найти.

Впрочем, и бухгалтера отыскать будет несложно, ведь, по словам Веры, магазин ее отца продолжает работать, значит, отмеченная в моем блокноте Рогозина Юлия Степановна должна быть на своем рабочем месте. Но, учитывая, что теперь все вопросы, связанные с работой магазина, приходится решать ей одной, наверняка она сейчас занята. Нет, с Юлией Степановной мы лучше поговорим в конце рабочего дня, а сейчас займемся агентом.

* * *

Было около одиннадцати часов дня, и я подумала, что это вполне подходящее время для того, чтобы позвонить в контору агента, занимающегося поиском покупателей произведений искусства. Я набрала номер, который сообщила мне Вера вместе с адресом конторы, и довольно долгое время слушала гудки в трубке.

– Алло, – наконец раздался голос.

– Здравствуйте, могу я поговорить с Семеном Валентиновичем?

– Нет, его сейчас нет.

– А когда он будет, не подскажете?

– Не знаю, может, и вообще не появиться... А вы что хотели?

– Извините, я попозже перезвоню.

Рассказывать всем, что личностью Семена Валентиновича интересуется частный детектив, вовсе не входило в мои планы.

Однако агента нужно было как-то добывать. Я позвонила Вере.

– Вера? Здравствуйте, это Татьяна вас беспокоит. У меня тут возникла небольшая проблема: никак не удается поймать Семена Валентиновича, а мне очень нужно с ним побеседовать. Вы не можете мне как-то помочь в его поисках?

– А в контору вы звонили?

– Да, но там его нет.

– Ах, вот как... Ну, если в конторе нет, значит... Вы не могли бы подождать некоторое время? Я постараюсь его найти, а потом перезвоню вам.

– Да, разумеется, я подожду.

Я положила трубку, но не стала тратить время на бесплодные ожидания, а решила провести его с пользой. Пока Вера занимается поисками агента, я вполне могу выяснить, что же по поводу убийства антиквара думают следственные органы. Я набрала номер своего старинного приятеля и бывшего однокурсника Андрея Мельникова.

Глава 3

- Алло! Андрюша? Это Татьяна тебя беспокоит.
- Привет.
- Что-то голос у тебя... нерадостный. Случилось что?
- Да нет, просто замотался совсем, дела – одно за другим: то убийство, то грабеж, то бандитское нападение. Как взбесились прямо! И все такие, одно другого краше.
- В смысле?
- Да глухари полные, в смысле. И так с ног сбиваемся, с тем, что есть, разделаться бы, а тут на днях еще и антиквара одного грохнули, тоже висяк тот еще...
- Ой, Андрюшечка, а я вот как раз по поводу антиквара. Не расскажешь поподробнее?
- Эх, Танька, никогда-то ты просто так не позвонишь... всегда с корыстными целями.
- Ну, что же делать, Андрюшечка, ведь я без вас никуда, я ведь без вас как без рук просто...
- Да ладно уж, не заливай. Ты что узнать-то хотела?
- Ну... как бы... все.
- Вот так вот просто? Все?
- Ну, Андрюш, ну, не вредничай! Ты мне в общих чертах расскажи, каковы обстоятельства убийства, как следствие идет, может, вы что-то нарыли уже...
- Убит в собственном подъезде поздно вечером, оружие убийства – веревка, по всей видимости, очень тонкая и крепкая... Может, даже рыболовная леска. Улик нет, свидетелей нет, зацепиться абсолютно не за что.
- А мотив?
- Ты фамилию-то убиенного знаешь?
- Ну, знаю, Шульцман, а что?
- Ну вот сама подумай, по каким мотивам можно убить человека с такой фамилией?
- С такой фамилией? Подожди-ка... юдофобия?
- Сделав довольно длинную паузу, видимо, для того, чтобы показать мне, насколько все запущено, Андрюша протянул голосом, полным трагической безнадежности:
- Да-а-а, мать... стареешь. Видать, уходили сивку крутые горки...
- Да говори ты толком! Не юдофобия, тогда что?
- Да какая, к черту, юдофобия?! Юдофобия – басня для тупорылых бритоголовых ублюдков, чтобы удобнее было ими манипулировать. Но ты – опытный сыщик, умная женщина, как ты-то можешь покупаться на подобную дешевку?
- Ну а зачем тогда ты мне голову морочишь? При чем здесь фамилия?
- А при том, что кто у нас самый умный, тот и самый богатый! Ты вспомни, у того, кто «Челси» купил, какая фамилия? У Ротшильда какая фамилия? Деньги, деньги и еще раз деньги – вот то единственное, что всерьез можно принимать за мотив убийства человека с подобной фамилией.
- Ты, Андрюша, лицо попроще бы сделал. А то накрутил тут – и Ротшильда, и «Челси»... Ты, вообще, в курсе, что имущество антиквара еще при жизни, а уж тем более после смерти, для всех посторонних закрыто такими юридическими замками, что даже мышь не проскочит? Документально оформленными замками, нотариально заверенными!
- А кто здесь говорит об имуществе антиквара? О его имуществе никто и не говорит.
- На подобное заявление я даже не сразу нашлась, что и ответить. Минуту назад мне говорят, что только деньги антиквара могут быть мотивом в этом деле, и тут же я слышу, что об этих деньгах речь не идет. Что ж, один – ноль в пользу старого друга. Было совершенно оче-

видно: Андрюша понял, что поставил меня в тупик, и теперь незримо для меня наслаждался своим торжеством.

Но не так-то просто сбить с толку такую опытную ищейку, как Татьяна Иванова! Немного подумав, я поняла, что Мельников, похоже, имеет какую-то информацию, которая мне еще не известна, и именно это позволяет ему безнаказанно огорошивать меня разными парадоксальными заявлениями.

Намереваясь отомстить за свое минутное замешательство, я решила расколоть старого друга не просто так, а внушив ему чувство вины, чтобы, терзаемый угрызениями совести по поводу своего нехорошего поступка, он сообщил мне эту неизвестную пока информацию не в качестве одолжения, а в виде искупления за свою вину.

– Конечно, Андрюша, – смиренным голосом начала я, – ты у нас большой начальник, у тебя в руках все официальные рычаги... Где уж нам, одиноким частникам, тягаться с тобой. Конечно, ты имеешь гораздо больше возможностей для получения разной информации и прочего... Но, если ты припомнишь некоторые прошлые дела, если у тебя еще не совсем отшибло память, то, может быть, ты вспомнишь и то, что я, например, хотя и не имею твоих полномочий, но, несмотря на это, всегда делилась с тобой своими скромными достижениями, и это очень часто даже помогало тебе привлечь преступников к ответственности. Конечно, где уж мне равнять свои заслуги с твоими, но...

– О-ой! Ну, завела... Ладно, кончай причитать, я уже прослезился.

– Да нет, Андрюшечка, при чем здесь причитать, я серьезно говорю: если, предположим, ты считаешь, что я не вправе узнавать от тебя какие-то данные по делу, а могу только сама предоставлять информацию... постоянно. И даже преступников... довольно часто...

– Да ладно тебе, Татьяна, что ты, в самом деле? Когда это я отказывался тебе информацию давать?

Андрюша говорил с интонацией человека, обиженного в своих лучших чувствах. Похоже, мои стрелы попали в цель.

– Ну, вот сейчас, например. Я к тебе с серьезным вопросом обращаюсь, а ты... непонятно что, прятки какие-то затеял.

– Да какие прятки? Сама слова сказать не дает, сама – прятки! Никакие не прятки, а русским языком объясняю тебе, что, помимо своей основной антикварной деятельности, Шульцман еще давал деньги займы под проценты. То есть проще говоря, занимался ростовщичеством. И, похоже, у него было немало должников.

Ах, вот оно что! Это действительно новость. И такая новость, которая давала сразу сто очков в пользу финансовой версии. Потому что хоть и поворачивается мотив совсем другой стороной – получается, что Шульцмана мог убить не тот, кто хотел отнять его деньги, а тот, кто не хотел отдавать ему свои, – но тем не менее это все тот же финансовый мотив.

Действительно, если, предположим, кто-то задолжал Шульцману серьезную сумму и не мог ее отдать... а Шульцман, в свою очередь, требовал... то... Хм, да, в такой ситуации все возможно.

Я представила себе все разнообразные и хитро переплетенные отношения, которые могут возникнуть между человеком, неофициально дающим деньги займы, и его клиентами. Во-первых, ему нужна какая-то гарантия возврата этих денег, а значит, он дает их не просто так, а под залог. Те же произведения искусства вполне могут здесь фигурировать. Или драгоценности...

– Он брал залогом? – спросила я у Мельникова.

– Само собой. И я думаю, что очень не слабые. Ведь он вел эту свою деятельность неофициально, следовательно, к нему очень часто обращались люди, которым почему-либо было неудобно занимать в официальном порядке и вообще как-то афишировать, что в данный

момент они нуждаются в деньгах. Так что в стоимость услуг входила и плата за конфиденциальность, так сказать.

Андрюша просто читал мои мысли, поскольку следующим пунктом моих размышлений были как раз эти две позиции – конфиденциальность и стоимость залога. Учитывая круг общения Шульцмана, можно предположить, что должниками его были люди, известные в городе, или, что более вероятно, их жены или дети, не желающие, чтобы близкие узнавали о том, сколько они просаживают, например, в казино. Или «на булавки». А таким людям огласка, разумеется, ни к чему.

С другой стороны, и размеры сумм, которые давались в займы, в этих случаях наверняка были не маленькими, а следовательно, и залоги являлись, как выразился Андрюша, «не слабые».

Теперь представим такую ситуацию: маменькин сынок проиграл на рулетке годовой папенькин заработок. Чтобы никто ничего не заметил, он выпрашивает у маменьки (или просто ворует) бриллиантовое кольцо, которое папенька подарил ей на свадьбу, и несет его антиквару в залог за деньги, которые должны заткнуть образовавшуюся брешь в семейном бюджете.

Сразу вернуть такую сумму, разумеется, не может ни маменька, ни уж тем более сынок (который продолжает играть на рулетке), а между тем время идет, и наступают маменькины именины. «А что, Марфуша, – вдруг вспоминает папенька, – а не надеть ли тебе на именины мой давний подарок – бриллиантовое кольцо?»

Что делать в такой ситуации? Все рассказать? Но сынок прекрасно понимает: едва только папенька узнает о том, чем оборачиваются для семейного бюджета невинные развлечения чадушка в казино, как он тут же отправит сыночка лет на десять куда-нибудь «в деревню к тетке» – свиней пасти да ума набираться. И не видать ему рулетки и прочих радостей жизни как своих ушей. Маменька тоже здесь ничем не может помочь, потому что и сама за счет папеньки живет.

И вот сынок, поколебавшись немного между перспективой впасть в немилость у папеньки и бесплодной надеждой стибрить еще одно бриллиантовое кольцо у маменьки (за неимением такового), вдруг набредает на очень удачную мысль: решить проблему в корне, то есть устранить самого антиквара. А нет антиквара – нет и долга.

Да, все это вполне могло «иметь место быть», и придуманная мной история была еще довольно невинной. В действительности на аренах тайного ростовщичества могли разгораться и куда более сильные страсти. Если, например, вместо маменькиного сынка в деле будет фигурировать маменькин любовник... У-у-у! Тут такой сюжет может закрутиться! А значит, для всевозможных финансовых мотивов будет полный простор.

Но вот вопрос: почему Вера в своих заявлениях была так категорична? Ведь если... А впрочем... Кто сказал, что старый антиквар так уж всецело и полностью посвящал домашних в свои дела? Вполне возможно, что...

– Слышь, Андрей, а родственники были в курсе того, что Шульцман ссужал деньгами своих сограждан?

– Точно не могу сказать, но, кажется, нет. Его старшая дочь вообще финансовую версию не приемлет категорически. Думаю, если бы она знала, то все-таки... по-другому бы себя вела. Но, впрочем, я у родственников об этом не спрашивал, да и тебе пока не советую. Это, знаешь ли, такая материя... здесь осторожно нужно.

– Ну да, ну да...

– А ты с чего вообще этим делом-то заинтересовалась? Расследование, что ли, заказали?

– Вроде того.

– И кто же?

– Это, Андрюшечка, закрытая информация. Тайна клиента.

– Вот, вот, так я и думал. А еще про меня что-то говорит! Это из тебя ничего не вытянешь – вот это точно.

– Неправда. Если я имею какие-то подтвержденные данные, я тебе всегда их сообщаю, так что не заливай. А если неподтвержденные, то в твоих же интересах не забивать ими голову, пока они не подтвердятся.

– Ну посмотрите на нее – всегда вывернется!

– А ты как думал! Ну что, будем считать, что договорились – по этому делу работаем в сотрудничестве?

– Эх ты! Ловко! И не говорили ничего, а уже договорились. Шустрая ты, Татьяна, прям как мотоцикл.

– А то! Но вы, кажется, имеете что-то возразить? Хотите сказать, что сотрудничество со мной когда-то было для вас бесполезным?

– Да нет, почему. Иногда бывало и полезным, – с подозрительно двусмысленной интонацией сказал Андрей.

– Опять начинаешь? – угрожающе спросила я.

– Да ладно, ладно, – рассмеялся он, – не буду, раз ты шуток не понимаешь. А то укусишь еще.

– Запросто. Ну, в общем, я буду позванивать. Лады?

– Идет.

– Ну, пока... Ой! Нет, еще не пока.

– Что там у тебя еще?

– Ну, как что, а трупик осмотреть? Ты-то его видел, счастливчик, а я, как всегда, все в последнюю очередь. Да еще выпрашивать должна.

– Ой, ну прямо бедная родственница! Ладно уж, позвоню в морг, завтра с утра приезжай, они будут в курсе. Только не задерживайся, быстренько пришла, быстренько ушла. Они там с восьми.

– Не задержусь, не волнуйся. Еще учить меня будет!

* * *

Мы с Андреем распрощались, и я отметила для себя первый пункт в расписании на завтра: съездить в морг. Да, хорошее начало дня!

Впрочем, на этот раз я не особенно надеялась найти на трупе что-то интересное. Учитывая место и способ убийства, все должно быть предельно простым и ясным. Никаких колото-резаных ран, которые иногда можно истолковывать в разных смыслах, никаких пулевых отверстий, которые тоже могут дать опытному человеку много дополнительной информации, никаких гематом. Шрам на шее – только и всего.

* * *

Гораздо больше меня сейчас беспокоило другое. Узнав от Андрея новость о ростовщичестве, я вдруг очень сильно засомневалась в том, будет ли иметь мое дополнительное расследование вообще какой-то смысл. Ведь хотя Вера и раздражала меня своими экономными причудами, но все-таки расследование оплачивает она, и значит, проводя его, я должна действовать в соответствии с ее пожеланиями. А ее пожелания были совершенно конкретными и определенными: искать любой мотив убийства, кроме финансового.

Предположим, она не знала о неофициальной кредитно-финансовой деятельности своего отца, но даже и в этом случае получается, что это не ее проблема, а моя. Что, если не милиция, а

именно я зайду в тупик, пытаюсь найти какие-то скрытые мотивы в деле, где вполне достаточно очевидных?

Сомнения терзали меня, и я даже малодушно подумала, а не отказаться ли мне от этого дела, пока оно не зашло слишком далеко. Но в это время позвонила Вера и сообщила, что Семен Валентинович Гиль через полчаса будет ждать нас в кафе на набережной.

Приняв этот звонок за перст судьбы, я не стала говорить клиентке о своих сомнениях. Спустившись к машине, я отправилась вначале за Верой, которая должна была отрекомендовать меня и склонить моего собеседника к откровенности.

* * *

Через полчаса мы уже входили в означенное кафе.

– Здравствуйте, Семен Валентинович! – протянув руки для дружеского объятия, приветствовала Вера невысокого, крепко сбитого человечка с быстрыми серенькими глазками, который поднялся нам навстречу из-за самого дальнего столика.

– Здравствуй, Верочка, здравствуй, дорогая. Ну, как ты?

– Ой! Так тяжело, так тяжело, Семен Валентинович, вы не поверите! Мы еще как-то держимся, а мама, бедная, просто не находит себе места.

– Ничего, нужно терпеть. Все когда-нибудь там будем. Нужно терпеть...

– На похороны-то вы придете?

– Ну, как же, обязательно. Конечно, приду. Что там милиция говорит? – в свою очередь спросил Гиль, зыркнув своими шустрými глазками в мою сторону.

– Да, кстати... вот... как раз... – наконец вспомнила обо мне Вера. – Вот, познакомьтесь, пожалуйста – это Татьяна, частный сыщик. Я заказала ей расследование... чтобы узнать, кто же на самом деле убил папу. Ведь эта милиция, вы сами знаете, им стоит только сказать, что у человека есть деньги, как они никакого другого мотива и не видят. Вот и занимаются сейчас этими деньгами... только время зря тратят. А Татьяну мне очень рекомендовали... Володя Савельев – вы же знаете его? – он очень Татьяну хвалил.

– Ну, что же, очень хорошо, – говорил Гиль, подозрительно ощупывая меня своими глазками. – Дополнительное расследование... очень хорошо. Мы все будем надеяться...

Я решила, что настало время и мне вступить в разговор.

– Я просила Веру Самуиловну представить меня лично для того, чтобы вы не сомневались: я представляю ее интересы, и чтобы мы с вами могли побеседовать со всей возможной откровенностью.

– Да, Семен Валентинович, вы уж, пожалуйста... – поддержала меня Вера. – Ведь нужно же найти того, кто убил папу!

– Ну, как же... нужно. Очень нужно, – говорил Гиль, бегая глазками по сторонам.

– Тогда, если вы не возражаете, я задам несколько вопросов?

– Ну, как же... конечно. Если нужно... задавайте свои вопросы.

Судя по выражению его лица, рекомендация Веры не очень склонила его быть со мной откровенным. Впрочем, я на многое и не рассчитывала. Мне были немного известны особенности той среды, в которой действовал уважаемый господин Гиль. Я знала, что среда эта очень специфичная и закрытая и что закрытость эта связана, прежде всего, с тем, что там иногда проворачивают не совсем законные операции.

Поэтому я и не надеялась, что Семен Валентинович так-таки и выложит мне все свои коммерческие тайны, едва только узнает, что я здесь по поручению дочери убитого антиквара. Но, по крайней мере, присутствие Веры давало надежду на то, что со мной хотя бы будут говорить, тогда как в любом другом случае, скорее всего, не захотели бы даже встретиться. Я набрала воздуха в грудь и приступила.

* * *

– Когда в последний раз вы видели Самуила Яковлевича?

– В тот самый день, когда его... когда случилось это несчастье. Днем мы, как обычно, встречались с ним по делам, а вечером он пошел на эту вечеринку. Кто бы мог подумать, что все так закончится...

– В день вашей встречи вы не заметили чего-то необычного, каких-то непривычных особенностей его поведения? Он не был взволнован, например, или, может быть, напуган?

– Да нет... нет, все было как обычно. Ничто не предвещало беды.

– Понятно. Теперь я хотела бы поговорить о той деятельности, которой вы занимались вместе с Самуилом Яковлевичем.

Судя по сразу же возникшему отчуждению на начавшем было уже оттаивать лице агента, я поняла, что о «деятельности» он мне много не расскажет, и, следовательно, если и есть в этом деле какой-то внятный мотив, то он имеется именно здесь.

– Если я правильно поняла, вы часто находили покупателей для Самуила Яковлевича?

– Ну... в общем, да... Но, впрочем, у него еще был магазин, туда тоже приходили люди. И покупали.

– Да, разумеется. Но я бы хотела поговорить сейчас о клиентах, которых находили для него вы. Что это были за люди, как бы вы могли их охарактеризовать?

Агент совсем скучился, съезжился на стуле и, кажется, даже немного уменьшился в объемах. О «людях» говорить он явно не хотел.

– Ну... видите ли... вообще-то это конфиденциальная информация. Наши клиенты не любят, когда про них много рассказывают...

– Семен Валентинович, я ведь не прошу вас называть мне адреса и фамилии. Я прошу дать общую характеристику тех, кто входил в число ваших клиентов. Например, это, наверное, были люди достаточно состоятельные, из небедных слоев общества, не правда ли?

– Ну... в общем, да... состоятельные...

Я поняла, что по этому пункту ничего от него не добьюсь. Может быть, с ростовщицством мне повезет больше? Я помнила о предостережении Мельникова и о том, что Вера, скорее всего, не знала об этой стороне деятельности своего отца, и я не планировала пока ставить ее в известность. Но даже в ее присутствии я могла с помощью некоторых полунамеков попытаться выудить из неразговорчивого Гиля пару-тройку высказываний на эту тему.

– При продаже каких-либо антикварных вещей или картин каким образом производились расчеты?

– Чаще всего наличными. Иногда деньги переводились на счет в банке, но это бывало редко.

– А могли, например, в уплату за картину быть приняты драгоценности? Или другое произведение искусства?

На лице моего собеседника выразилось откровенное недоумение. Немного подумав, он сказал:

– Иногда мы обменивались между собой... то есть продавцы, если, например, у кого-то было то, что нужно нам, а у нас было то, что нужно ему. Определяли примерную стоимость, и если у кого-то предмет был дешевле, он доплачивал наличными. Ну, или... по договоренности. Но, насколько я помню, с клиентами таких обменов никогда не делалось. Они всегда рассчитывались деньгами.

– Хорошо. А клиент должен был обязательно рассчитаться сразу при получении нужной ему вещи или была возможность, так сказать, покупки в кредит? – все пыталась я навести Гиля на нужную мне мысль.

Но при этом вопросе он совсем уже вытаращил глаза и, похоже, окончательно принял меня за полоумную.

– Разумеется, сразу.

– И что, не было ни малейшей возможности немножко оттянуть оплату? – игриво улыбнулась я. – А может, у человека в тот момент денег не случилось?

– Если в тот момент не случилось, значит, пусть приходит, когда «случилось», – раздраженно заговорил Гиль. – Вы поймите, девушка, мы у своих клиентов паспортные данные не спрашиваем, сегодня он здесь, а завтра – неизвестно где. Какой тут может быть кредит?! Да и вообще... У нас все на самоокупаемости, нам никто ничего не дарит, мы сегодня продали вещь, а завтра нам что-то купить надо и, может быть, в два раза дороже. Как мы сможем дело вести, если всем кредиты будем раздавать? А самим на что жить?!

Семен Валентинович не на шутку разволновался. Видимо, я задела его за живое. Однако в смысле информации о ростовщичестве это, увы, ничего не дало.

Напоследок я попробовала прощупать еще одно направление.

– Насколько я поняла, – начала я, когда Гиль немного успокоился, – прежде чем выставить на продажу, например, картину или какую-то старинную вещь, вы сначала определяете ее подлинность?

– Разумеется. Кстати, по этим вопросам мы довольно часто обращаемся к господину Савельеву, с которым вы, кажется, знакомы.

– Да, да, конечно, – поспешила ответить я, вспомнив несколько нехстати, как сегодня утром господин Савельев грохотал чашками у меня на кухне. – А вообще, не бывает такого, чтобы покупатель, приобретя у вас какую-то вещь, потом заявлял претензии?

– Я о таких случаях не знаю, – сделав морду кирпичом, ответил агент.

Он явно недоговаривал что-то, но что? О том ли, что всех, кто имеет к ним претензии, они отсылают подальше, или о том, что на всех вещах, которые выставлены в магазине Шульцмана, так же, как на изделиях из турецкого золота, написано: «Предметы возврату и обмену не подлежат»?

Вопрос был интересный, ведь многие вещи подобного рода действительно очень дорогие, и если кому-то продали подделку за оригинал... Как хотите, а тут тоже вполне мог скрываться мотив.

Вообще, чем дальше я знакомилась с этим делом, тем больше появлялось в нем такого, что могло бы указывать на мотив. Иногда, расследуя преступления, я чуть ли не до самого последнего момента не могла определить, что же являлось мотивом. А сейчас – дело еще в самом начале, а мотивов уже слишком много.

Мне оставалось выяснить еще только один вопрос.

– Вы сказали, что в тот день, когда произошло убийство, вы встречались с Самуилом Яковлевичем по делам. Чем вы занимались после этого?

На лице моего собеседника появилась довольно неприятная кривая усмешка.

– Это вы насчет того, не я ли совершил преступление? Должен разочаровать вас. До семи вечера я был в своей конторе, это могут подтвердить многие, кто находился там, а после этого отправился в гости. У моих старых знакомых был юбилей – тридцать лет со дня свадьбы, и мы с женой сидели у них до самого позднего вечера. Солнечная, 35, Наум Кацман, можете проверить.

Я хотела было, как поступаю в таких случаях, сказать ему, что это обычная процедура и он не должен обижаться, но, взглянув еще раз на его противную усмешку, подумала: «А не пошел бы ты!» – и не стала ничего говорить.

Вместо этого я решила взять у него номер мобильного. Было совершенно очевидно, что из нашей сегодняшней беседы я извлекла не слишком много полезного, поэтому вполне воз-

можно, что мне захочется встретиться с агентом еще раз, уже без Веры. И мне совсем не улыбалось вновь полдня искать его.

– Если вы не против, я бы хотела взять ваши координаты на тот случай, если вдруг возникнет что-нибудь срочное. У вас есть мобильный телефон?

– Да, пожалуйста.

Гиль продиктовал мне номер, и я записала в свой блокнот. Ну, вот и прекрасно. Теперь можно будет созвониться как-нибудь на досуге и без лишних свидетелей поговорить о такой интересной деятельности, как тайное ростовщичество.

Я распрощалась со своими новыми знакомыми, которые решили еще немного посидеть в кафе, чтобы выпить по чашечке кофе и поговорить о своих делах, и вышла на улицу.

Обдумывая только что состоявшееся интервью, я понимала, что оно получилось не слишком удачным. Агент явно не хотел говорить по существу дела, и если так же поведут себя и оставшиеся двое близких знакомых Шульцмана, шансы мои на поиск нефинансового мотива будут очень невелики.

Я понимала, что отчасти такая несловоохотливость объяснялась тем, что моим собеседникам с первых слов становится известно, кто я и с какой целью обратилась к ним. А если человек знает, что у него пытаются что-то выведать, у него сам собой закрывается рот, даже если он имеет дело с лицом неофициальным. Но подобраться к знакомым Шульцмана как-то иначе я не могла. Ведь в этой среде все всех знают, и в каком бы образе я ни явилась перед ними, я в любом случае буду человеком со стороны, и никто не будет говорить со мной. Поэтому мое появление с подачи Веры было еще не самым худшим вариантом.

* * *

Приехав домой, я первым делом приготовила кофе.

Устроившись на кухне с сигаретой в одной руке и чашкой кофе в другой, я принялась размышлять о том, что же явилось итогом тех двух направлений моих действий, которые я сегодня разрабатывала.

Беседа с Мельниковым дала весьма интересные сведения о ростовщичестве, но и поселила во мне очень серьезные сомнения. Сейчас, на досуге, я снова начала колебаться, правильно ли я поступаю, что иду на поводу у Веры и пытаюсь искать какие-то другие мотивы, когда финансовые говорят сами за себя.

Но тут я вспомнила, что беседа с Гилем, хотя и не дала почти никаких конкретных фактов, все-таки указывала на некоторые другие плоскости, в которых тоже мог располагаться мотив. Хотя бы та же подлинность проданных вещей. Конечно, антиквар всегда мог отговориться тем, что, мол, вы у себя вещь неизвестно сколько держали, могли сами двадцать раз ее подменить, а теперь мне обратно приносите и говорите, что я продал вам подделку. Да, он вполне мог так сказать и, в общем-то, был бы прав. Особенно если он и в самом деле продал этому человеку подлинник. Но сам-то покупатель не может не знать, что именно у него в руках – вещь, купленная у антиквара, или вещь подменная. И если его претензии справедливы, то...

Нет, думаю, пока рано говорить, имеют ли смысл поиски нефинансовых мотивов в этом деле или не имеют. Пока у меня еще слишком мало данных. А значит, нужно, времени не тратя даром, начинать собирать эти данные со всей возможной интенсивностью. Вот завтра, например...

Тут зазвонил телефон.

– Танюша? Это Володя. Звоню, чтобы предупредить тебя: сегодня не смогу приехать. У меня тут одно дело в Покровске, закончим очень поздно, а возможно, и завтра еще придется заниматься, так что я переночую здесь, в гостинице.

Новость была не очень приятной, но, с другой стороны, мне и самой завтра нужно было рано вставать, а учитывая, что я сегодня не выпалась, думаю, следует расценивать происходящее как шанс наверстать упущенное.

Недолго думая, я решила использовать свой шанс и завалилась спать.

Глава 4

На следующий день в восемь утра я уже стояла перед входом в наш городской морг, как лист перед травой.

Андрюша не обманул: о моем появлении там уже знали и без всяких лишних препон допустили меня к осмотру трупа антиквара.

Не без внутреннего содрогания я взглянула на человека, которого совсем недавно видела живым. Но на этот раз ничего особенно страшного мне увидеть не довелось. Учитывая способ убийства, внешность антиквара почти не изменилась, только лицо покрылось характерными пятнами, какие бывают при смерти от удушения. Все остальное было в порядке, на теле не имелось никаких дополнительных следов или отпечатков, которые могли бы указывать на борьбу или сопротивление, из чего я сделала вывод, что нападение для антиквара явилось полной неожиданностью и смерть наступила достаточно быстро.

Я приступила к осмотру шрама. Узкая багрово-фиолетовая полоса, пересекавшая шею, красноречиво свидетельствовала о том, что удавка, как и говорил Мельников, была очень тонкая и, разумеется, крепкая, если, испытывая такое напряжение, не порвалась. Багровая линия, проходившая в середине фиолетовой, говорила о том, что в процессе удушения веревка настолько врезалась в шею антиквара, что разрезала кожу, и именно этим объясняется багровый след. Очевидно, это была кровь, выступившая в месте пореза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.